

Рождественское интервью Патриарха Кирилла

7 января 2012 года на телеканале «Россия»¹



– Ваше Святейшество, добрый день. Это уже традиционное рождественское интервью нашему телеканалу. И в этот светлый праздник Рождества Христова в начале нового, 2012-го, года, думаю, было бы уместно попросить Вас подвести итоги года ушедшего. Что было главным для Вас, для церкви, для общества, какое событие Вы могли бы поставить на первое место и что стало определяющим?

Патриарх Кирилл:

– Это трудный вопрос, потому что на него нет объективного ответа. Каждый человек смотрит со своей точки зрения. А человеческая точка зрения, конечно, не соответствует взгляду Бога на человеческую историю. И поэтому только по прошествии времени, когда более контрастной становится картина, когда уходят полутени и серая краска исчезает, когда видно, где добро, а где зло, тогда люди дают более трезвые оценки происшедшему. Поэтому и мой взгляд на нынешний год будет, конечно, субъективным. И тоже с моей точки зрения.

Но я бы хотел сказать, может быть, вот о чем. Было много важных событий в политике, в экономике, в социальной жизни. Было много положительного и было то, что очень разочаровывало людей. Но если взглянуть на все это с религиозной точки зрения, то все эти события отражают некую динамику жизни. И вот эта динамика жизни заставляет меня лично о многом задуматься.

Что происходит с современным человеком? Мы реально становимся лучше? У кого-то есть ощущение, что мы, как народ, как личности, как семьи, что мы становимся лучше, крепче, сильнее, разумней? Мы с легкостью используем современные технологии, у нас возникает чувство всемогущества. У одних людей от того, что у них слишком много денег, у других – потому что они прекрасно овладели компьютерными технологиями и делают то, чего не

¹ Текст публикуется по: URL: <http://kp.ru/daily/25814.3/2793185/> (дата обращения: 09.01.2012). См. также видео: URL: <http://pravera.ru/index/rozhdestvenskoeintervjupatriarkhkirilla2012telekanalrossija17janvarja/0-238>.

могли делать в прошлом. А на самом деле это является могуществом или нет? От того, что мы называем ценностью, вот и зависит расстановка событий по шкале.

Для меня самым потрясающим событием было принесение Пояса Пресвятой Богородицы, которое всколыхнуло все наше общество, которое лишь только отчасти помогло увидеть людям уровень религиозности. Пояс месяц находился у нас. И, как подсчитали те, кто стоял рядом со святыней, есть определенное количество людей, которое может пройти в единицу времени. Физически больше пройти не может. Так вот, при максимальном наплыве людей в течение всего месяца, не смогло пройти больше 3,5 примерно миллионов, чуть меньше – между тремя и тремя с половиной миллионами. Ну, а если бы год был Пояс Пресвятой Богородицы, то это 40 миллионов. И вот пока вера живет в нашем народе, это самое сильное, самое светлое и самое вдохновляющее явление. Тогда мы не потеряем шкалу ценностей. Тогда нам никто не заморочит голову, и мы сами себе ее не заморочим. Тогда мы действительно сохраним способность жить. А когда человек сохраняет способность к Жизни с большой буквы, не к физиологической жизни, к жизни и культурной, и духовной, интеллектуальной, физической, вот тогда есть надежда. И поэтому принесение Пояса Пресвятой Богородицы дало мне великую надежду.

– В нашем обществе довольно сильны антиклерикальные настроения. И почему вдруг возник такой запрос на чудо?

Патриарх Кирилл:

– Есть миф о росте антиклерикальных настроений в обществе. У нас есть рост в процентном отношении – значительный рост – антицерковной и антирелигиозной составляющей в средствах массовой информации. Но это не отражает настроения людей. Это отражает лишь только следующее явление: вера и церковь становятся более видимыми, более значимыми для жизни людей. И встречают сопротивление тех, кто не чувствует веры в сердце, кто не связывает с верой в Бога своего будущего, даже среди тех, кто считает своей задачей бороться с религиозными убеждениями. Эти люди никуда ведь не улетучились, они присутствовали на протяжении долгих десятилетий в нашей жизни. Кроме того, современный потребительский образ жизни содействует формированию агностических настроений. Люди не задумываются о великом, о вечном, о святом, о добре и зле. Они думают о деньгах и о том, как их потратить.

И вот эти два фактора, с одной стороны – рудиментарная антирелигиозность советского времени, и плюс новый, вот этот потребительский контекст, они действительно в определенной части нашего общества формируют некое безразличие к религиозной идее. И в таком смысле эти люди становятся иногда питательной средой для распространения антирелигиозных убеждений. Чем и воспользовались люди, которые профессионально работали и работают в этой области. По тому, как пишут журналисты на религиозную тему, именно с такой точки зрения, видно, что это профессионалы, которые профессионально работают в области антирелигиозной пропаганды, как мы бы сказали в советское время.

Но вот есть что более, может быть, сложное. Это то, что действительно современный образ жизни как бы вытесняет Бога. Вы вот сказали о чуде. А что такое религия? Религия – это связь с Богом. Человек обращается к Богу и в ответ на это он получает нечто. Нечто про-

симое. И поэтому каждая молитва – это чудо. Если бы я не переживал это чудо в своей жизни, я бы никогда не надел рясу, я бы нашел, чем заниматься. Но только потому, что я с детства слышал и чувствовал, как Бог отвечает на мою молитву, я стал не просто верующим человек, глубоко верующим, – я всю свою жизнь этому посвятил.

И вот некоторые говорили: вот пошли к какому-то кусочку материи, это же язычество, это же суеверие. Но, во-первых, Слово Божье говорит нам о том, что через материальные предметы энергия этого параллельного мира передается в наш физический мир. Тень проходящего Петра апостола исцеляла больных. Платок, который держали в руках апостолы, исцелял больных. Это в Слове Божьем сказано. Поэтому даже самые рационально мыслящие христиане, самого крайнего такого протестантского толка, и то признают факт, что в Библии говорится о чуде. А в Ветхом Завете? Вся Библия – это священная история, в центре которой присутствует чудо. А иначе-то и быть не может. Потому что в ответ на молитву Бог дает нечто, что не может обеспечить реальность. И человек это воспринимает как чудо.

Поэтому нету сейчас никакого особого запроса на чудо. Как он всегда был, как он проистекал из религиозного чувства, так он и сейчас проистекает. Ничего нового не происходит. И через долгие-долгие годы, если Бог потерпит еще род человеческий и все мы будем существовать, или наши потомки, люди так же будут верить в Бога, призывать его имя и, получая просимое, исповедовать, что это чудо в их жизни.

– Ну вот сейчас события политической и общественной жизни будто бы уплотнились. Часть наших сограждан посчитала прошедшие выборы в парламент несправедливыми. И по стране прокатились акции протеста. Но самое многочисленное были в Москве. Причем люди, которые собирались и на Болотной площади, и на проспекте Сахарова, были абсолютно разных политических взглядов, но они были объединены одним лозунгом – «За честные выборы!». В конце года в самый разгар митингов Вы в своей проповеди призвали к сохранению согласия и гражданского мира. А ведь впереди у нас, пожалуй, самые ответственные и важные – президентские выборы. Что бы Вы сегодня могли сказать и власти придерживающим, и протестующим, как найти вот это взаимопонимание? Как можно протестовать, не подвергая опасности и не расшатывая фундамент общего нашего дома?

Патриарх Кирилл:

– Вот эта ваша последняя фраза является ключевой. У каждого человека в свободном обществе должно быть право выражать свое мнение, в том числе и несогласие с действиями власти. Если люди такого права лишаются, то это воспринимается как ограничение свободы. Это очень болезненно. Давайте вспомним то же самое советское время. Не было такого права. Оно декларировалось на бумаге, а реально – нет. В Новочеркасске люди вышли, сказали в свое время, что там плохо все, и зарплату задерживают. И что? Пролилась кровь. У людей не было такого права.

А сейчас есть такое право. И, конечно, этим правом люди пользуются. И если люди чувствуют наличие несправедливости, какого-то обмана, манипуляций и таким образом выражают свое мнение, то в этом самом выражении нет ничего такого, что сотрясает основы.

Для церкви этот вопрос очень чувствителен, потому что ведь наши прихожане и среди тех, кто был на площади, и среди тех, против кого выступала площадь. Поэтому слово церкви не может быть политизированным, оно не может быть несбалансированным в самом принципиальном смысле этого слова. Не в смысле ложных дипломатических балансов, а в смысле того, что слово церкви должно нести правду, которую примут все – и одни, и другие. И правда заключается в том, что ложь должна уходить из нашей жизни. Из политической, из экономической, из социальной.

Но позвольте мне теперь сказать то, что не может оставить безразличным ни одного, кто протестовал на площади, – из личной жизни. А разве среди протестующих нет, кто обманывает своего мужа или свою жену? Кто ведет параллельную жизнь? Кто нечистоплотен в бизнесе? Но если мы творим неправду в нашей личной, семейной жизни, в сфере нашей профессиональной, почему так горячо требуем, чтобы правда сохранялась где-то на макроуровне? А на микроуровне ее не должно быть? Вот церковь призывает к тому, чтобы на каждом уровне была правда. На уровне личности, семьи, трудового коллектива. На уровне политических партий. На уровне экономических корпораций. На уровне правительства. На уровне тех, кто возглавляет страну. Правда должна быть. Когда я говорил о Божьей правде, я и имел в виду правду – жизнь по совести. Ведь в конце концов понятие правды – это просто соответствие Божественным заповедям. Мы должны научиться жить по Божьей правде. То есть мы не должны лгать друг другу.

Второй момент, тот, о котором мы уже с Вами сказали, если что-то происходит, у общества должно быть право высказать свое недовольство. Но при этом должна быть мудрость определенная. Вот если бы демонстрации, предшествовавшие революции 1917 года, закончились выражением мирных протестов и за ними не последовала бы кровавая революция и братоубийственная война, то сегодня Россия имела бы больше 300 миллионов населения и либо была такой, как Соединенные Штаты, по уровню экономического развития, либо даже превысила эту страну. Мы не сумели. Мы не сумели тогда сохранить балансы и сохранить мудрость. Мы разрушили свою страну. А почему это произошло? А потому что, в общем-то, справедливые протесты людей очень ловко используются теми политическими силами, которые стремятся к власти. А радикальная смена власти – это всегда смена элит. Помните замечательные призывы наших демократов в конце советской эпохи: нужно разрушить номенклатуру; нужно отказаться от всех тех людей, которые ездят на черных «Волгах».

– Ну, конечно, шторы снять.

Патриарх Кирилл:

– Шторы снять. Вы помните? Ведь под этот лозунг тысячи выходили. Что произошло? Взяли власть и с черных «Волг» переселил на черные «Мерседесы».

– Поставили мигалки.

Патриарх Кирилл:

– И поставили мигалки. И разделили ресурсы страны. Я не оправдываю то, что было. Но я просто говорю о том, как легко соблазнить человека. То же самое ведь было в связи с революцией 1917 года. «Грабь награбленное!». И ведь пошли врывать в квартиры, разрушать

эти усадьбы. Спалили страну! А где это награбленное? Новая элита кое-что получила. А народ разве стал жить лучше? Вот задача заключается в том, чтобы протесты, правильным образом выраженные, приводили к коррекции политического курса. Вот это самое главное. Если власть остается нечувствительной к выражению протестов, это очень плохой признак. Признак неспособности власти к самонастройке. Власть должна настраиваться, в том числе и воспринимая сигналы извне.

Я никого не хочу учить, я просто хочу сказать, как я сам работаю. Я постоянно стараюсь слышать эти сигналы. И через Интернет, через переписку. И происходит постоянная, если вы могли заметить, самонастройка церковного аппарата. Может быть, недостаточная. Я отдаю себе отчет в том, что мы очень далеки от совершенства. Но вот эта обратная связь в церкви существует. Но она еще и существует потому, что священники исповедуют людей.

- А Вы читаете Интернет?

Патриарх Кирилл:

- Я, к сожалению, имею возможность очень мало сидеть у компьютера, но мои коллеги дают мне исчерпывающую информацию о том, что происходит в интернет-сообществе. А когда есть какая-то свободная минута, я смотрю. Я смотрю. Не могу сказать, что меня радует всё то, что я там вижу.

Мы должны учиться. Как церковь сейчас учится, так и власть должна сейчас учиться – воспринимать сигналы извне. И корректировать курс. Помню, замечательная вышла книга, не могу сейчас навскидку назвать имя, это был один известный американский экономист, который в начале 70-х годов, когда начался первый энергетический кризис, написал книгу «Корректива курса». Потому что мировая экономика больше не могла развиваться в тех условиях, которые сложились к середине, к началу 70-х годов. И я прочитал эту книгу. И вот первая мысль, которая мне тогда пришла в голову: как важно научиться корректировать курс. Корректурa курса.

Поэтому вот это главное послание власти и главное послание людям. Нужно уметь выражать свое несогласие, не нужно поддаваться на провокации и разрушать страну. Мы полностью исчерпали лимит разделений. У нас нету права больше на разделение. И власть должна через диалог и слушание общества корректировать курс. И вот тогда у нас все будет хорошо. Потому что ведь есть умные люди, образованные, достаточно энергичные, которые способны, я думаю, совместно работая и опираясь на широкую поддержку людей, правильно определять развитие страны и содействовать процветанию нашего общества. У меня вот такое глубокое убеждение. Я очень хотел бы это убеждение передать всем тем, кто нас сегодня видит и слышит.

- Мы все прекрасно помним, что еще в 2008-м Вы принимали участие в масштабном проекте «Имя Россия». И во многом благодаря именно Вам тогда на первое место вышел благоверный князь Александр Невский. С точки зрения дня сегодняшнего, того накала страстей, которые кипят порой на наших улицах, как Вы полагаете, какой сегодня нужен России лидер?

Патриарх Кирилл:

– Когда закончился весь этот раунд по выявлению героя, который стал «Именем России», то в одной из своих передач Никита Сергеевич Михалков, который защищал Столыпина и который, несомненно, был расстроен тем, что не Столыпин стал «Именем России», замечательно подвел результат всей дискуссии. Он говорит: «Я так еще раз подумал и пришел к выводу: если бы Александр Невский был президентом, он непременно взял бы Столыпина премьер-министром». Вот я ничего не хочу говорить, но мне кажется, что идеальные черты этих двух замечательных исторических персонажей должны бы быть примером в том числе и для власть имущих. Нужно ориентироваться на самую высокую планку. На ту, которая канонизирована в сознании нашего народа. Или которая глубоко почитается всем обществом.

А, собственно говоря, в чем должна проявляться в приоритетном плане власть высших должностных лиц? Ведь приоритеты в работе всегда связаны опять-таки со шкалой ценностей. Вот я думаю, что невероятно важным качеством, которое во многом будет определять и приоритет повестки дня, является чувство ответственности человек перед Богом. Если это верующий лидер, он ни на минуту не должен забывать о своей личной ответственности перед Богом. Это Бог его привел к власти – через людей, через какие-то механизмы. Но Бог допустил, что тот или иной человек воспринял эту великую ответственность. И Бог с него будет спрашивать не только за его личные грехи и прегрешения, но и за все то, что он сделал или не сделал для жизни народа.

Ну и, конечно, ответственность перед людьми. И вот здесь я бы хотел сказать о том, что является для России всегда самым, пожалуй, важным. Это чувство справедливости. Когда-то, обращаясь к такому международному сообществу, я сказал, что у каждой великой страны есть некий лозунг, с которым она могла бы обратиться к миру, а иногда и обращается к миру. Ну, например, лозунг Америки – демократия. И во имя этой демократии мы знаем, что происходит во всем мире. А какой бы мог быть лозунг России? Только один – мир и справедливость. Потому что для нашего человека справедливость – это невероятное важное измерение качества человеческой жизни. Вот если нарушается система справедливости в обществе, система начинает расшатываться.

Почему это происходит? Я глубоко убежден, от наших религиозных корней. Хотя нам сейчас некоторые и внушают, современное российское общество более индивидуалистично, чем любое другое. Это не так. От наших религиозных и культурных корней происходит это обостренное чувство справедливости. И каждый правитель должен это иметь в виду. Политическая программа партии, если эта партия имеет власть, должна это иметь в виду. Но что самое главное – практическая политика должна быть направлена на это.

– Ну так чего же не хватает?

Патриарх Кирилл:

– Не хватает многого. Позвольте, вам приведу один пример. Как-то недавно я включил телевизор, и по какому-то каналу, не помню уже, по какому, шел советский фильм. И там сцена в магазине. Покупатель и продавец. Продавец хамит, покупатель – несчастный человек сто-

ит. И вдруг меня осенило. А что это за картинка с философской точки зрения? Да ведь это отношения власти и безвластного. Кто в этой картинке имеет власть? Продавщица. Потому что власть – это способность свое навязать другому. Повлиять на человека так, чтобы осуществить свои умонастроения, свое целеполагание. Вот в этом, собственно говоря, власть-то и заключается. Когда воля одного господствует над волей другого. Или направляет волю другого. В советское время у нас власть имели продавщицы, завскладов или товаровед, как говорил классик сатиры, проводники в поездах, в ЖЭКах. Везде была власть. Что с системой произошло? Рухнула. Конечно, не из-за того только, что были продавцы у нас злые. Но потому что соприкосновение с властью вызывало у людей отторжение.

Что сейчас происходит? У нас что, с президентом народ общается, с министрами? У нас общаются с милиционерами, с управляющими компаниями ЖКХ. Те же самые ЖЭКи и ДЕЗы. У нас, к счастью, свободная экономика, кажется, более или менее решила проблему продавщиц. Но ведь опять у нас простого человека кошмарит вот этот уровень власти. Я использую это слово «кошмарить» не потому, что это слово из моего лексикона, а потому что это слово сейчас широко распространено, и люди понимают, о чем речь идет. Не нужно никаких определений. Вот если мы с этим кошмаром справимся на бытовом уровне, на уровне местных властей в первую очередь и, конечно, на уровне коррупции на более высоком уровне, ну тогда будет снята тема отношений человека и власти.

Я не могу давать социальных и политических рецептов, как с этим справиться. Хотя какие-то мысли у меня есть, как и у любого гражданина. Но как пастырь я скажу, что ничего у нас хорошего не будет, пока мы действительно не изменим свое умонастроение, пока у нас не будет другое сердце. Пока мы не научимся уважать и любить друг друга. Но вот эти слова церкви, они повисают в воздухе, хотя мы стараемся говорить громко, но не все нас слышат. Но это действительно основополагающие принципы устройства человеческой жизни. Почему? Да потому что Бог так захотел. Не мы с вами, не правители, не парламенты, – Бог захотел, чтобы человек был счастлив при соблюдении определенных условий общежития. Вот давайте соблюдать эти условия в меру наших сил. Мир преобразится так быстро, что мы даже и глазом моргнуть не успеем.

– Ведь действительно коррупция и взяточничество, которые пропитывают и понижают буквально все, это одна из самых острых и, пожалуй, опасных проблем нашего общества. Часто человек, который не хочет давать взятку или не хочет брать взятку, выглядит просто белой вороной. И вообще, он может ли противостоять в одиночку этой коррупции?

Патриарх Кирилл:

– Не только может – должен. Но не в одиночку, а вместе с другими. Вот для этого мы сегодня и, опять использую современное слово, переформатируем характер православного прихода. Из советской эпохи у нас, к сожалению, из приходской жизни ушла социальная работа, образовательная работа, культурная работа. Просто приход перестал быть общиной. Какая община, когда в храм ходить было опасно? Это вошло в плоть и в кровь людей. Люди в церковь приходят как в магазин – свечку купить, записочку написать, помолиться и уйти. Вот сегодня употребляются огромные усилия, чтобы приход стал общиной. Чтобы вот такие люди,

вставшие на путь твердого противостояния злу, могли найти в приходе своих единомышленников. Чтобы они могли вовлекать в это церковь, задача которой заключается в том, чтобы печаловать, то есть бороться за права обижаемых людей. Приход может и должен стать вот этими очагами, опорными точками нравственного преобразования нашего общества.

Но для этого я обращаюсь ко всей нашей православной интеллигенции: пожалуйста, в воскресенье не спите слишком долго, приходите в храм. Приходите в храм для того, чтобы помолиться, для того, чтобы пообщаться друг с другом. Если в храме все заканчивается после литургии, обратитесь к настоятелю и скажите: а мы хотим посидеть, чаю попить. Он обязательно организует. Мы должны иметь действительно систему социальной солидарности. И когда все это связано с духовной жизнью, с высокими нравственными и жизненными принципами, когда все это оплодотворяется молитвой, тогда у человека появляется реальная способность и возможность сопротивляться злу и в личной, и в общественной жизни.

Кстати, когда накануне революции церковь и государство задумались о том, что нужно как-то реформировать общественную жизнь, то тогдашний премьер-министр Витте, человек либеральных взглядов, как известно, предложил митрополиту Антонию Вадковскому, который был тогда Петербургским митрополитом и первенствующим членом Священного Синода, подумать о том, как можно использовать систему православных приходов для реформирования России. И написали, начали писать прекрасный устав церковный. Но охранительная часть власти в лице Победоносцева, известного обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода, узнал об этих попытках, доложил государю императору, и Витте запретили вместе с митрополитом разрабатывать проект вот такого реформирования общественной жизни, который предполагал, что не политические партии, не протестные группы, а приходы становятся очагами общественной и социальной активности в обществе. Для того, чтобы эта активность служила на благо людям и на благо Отечеству. Думаю, что если бы эти планы реализовались, никакой революции в 1917 году бы не произошло. Дай Бог нам сегодня всем вместе реализовать эти планы, и тогда мы будем застрахованы от революций.

– Вы сегодня довольно часто вспоминаете и 1917 год, и предреволюционный период. С учетом накала страстей, сегодняшний день к какому периоду времени Вы бы могли отнести?

Патриарх Кирилл:

– Конечно, по накалу страстей это нельзя сравнить ни с предреволюционными месяцами и годами, предшествовавшими революции 1917 года, ни с тем, что происходило на излете перестройки, последнее многие из нас помнят хорошо. Но иногда из малого вырастает большое. И поэтому сегодня мое особое слово к нашему народу. Помнить, что мы исчерпали лимит конфронтации. Что мы исчерпали всякую возможность осуществлять революционную перестройку жизни нашего общества. Наш путь – это спокойное эволюционное развитие, в том числе через реальный диалог с властью, в том числе, когда необходимо, через внешнее выражение своего протеста. Но таким образом, чтобы не сотрясались основы государственной жизни, чтобы не останавливалась экономика, чтобы не разрушалась культура, искусство, образование, спорт, наука, все то, что мы разрушили в 90-е. А еще к этому армию давайте добавим.

Вот мы должны помнить, что у нас нету больше такого права. Но это не значит, что мы должны стагнировать. Мы должны развиваться, в том числе и через диалог, через столкновение мнений, через интеллектуальную борьбу, через взаимное убеждение. И я полагаю, что это достаточно сильные средства, особенно в наш просвещенный век, в век Интернета, для того, чтобы реально менять жизнь страны к лучшему.

– Церковь сегодня достаточно активно и быстро входит в жизнь простого человека. И, как я понимаю, болезни общества с этим тоже связаны. Из зримых проявлений – это быстровозводимые храмы, это возникновение новых епархий, рукоположение епископов, священников. Но как Вы полагаете, это все-таки естественное стремление расширить свое влияние или как-то изменить моральный климат общества?

Патриарх Кирилл:

– Да, конечно, изменить моральный климат общества. Вот нам иногда говорят: ну вот церковь стала свободной, а почему количество абортот не уменьшается? А почему количество разводов не уменьшается? Почему по этим показателям мы впереди планеты всей?

– Впереди Европы. На первом месте.

Патриарх Кирилл:

– Да, совершенно верно. Россия, Белоруссия, Украина, Молдова – четыре страны возглавляют этот печальный список. Это происходит потому, что люди, даже сохраняющие религиозные чувства, в обычной жизни часто никак к своему религиозному чувству не обращаются с тем, чтобы получить опору, поддержку, в том числе и в сфере мотивации своих поступков. А вот теперь вопрос. Начну с примера. Мог бы один политрук на 10 тысяч военнослужащих повлиять на моральное настроение армии? Риторический вопрос. Хотя в армии дисциплина. Направо, вперед, пошли в красный уголок, там можно проводить беседу. В среднем по России один приход приходится на 10 тысяч человек, так же, как и один священник. Можно с этого батюшки, который приходится на 10 тысяч крещеных людей, спрашивать улучшение статистики в сфере разводов, абортот, наркомании, алкоголизма? Это хорошо, что такая средняя цифра – за счет провинции. А в городе Москве почти на 40 тысяч. А в некоторых районах – на 100 тысяч. Мы живем в безбожном городе. Центр у нас имеет вот эти прекрасные старинные храмы, а новостройки – вообще никаких религиозных символов.

Вот почему сегодня увеличение количества храмов – это не попытка, как некоторые критики говорят, собирать больше денег, и не попытка осуществлять какую-то клерикализацию общества и клерикально влиять на политику. Из того, что я сказал, вы видите, нету такого стремления и желания – вообще влиять на политику. Есть только стремление и желание нести нравственный посыл обществу, в том числе и в адрес власти. А вот что необходимо? Необходимо для того, чтобы приходы действительно становились общинами, действительно становились центрами социальной, духовной, культурной активности людей? Центрами, где бы оттачивалась солидарность, взаимная поддержка людей? Но для этого община должна

быть ограничена разумным количеством людей. Вот поэтому мы и пошли по пути создания новых храмов.

Лозунг такой: «Архиерей и священник должны быть ближе к народу!» А как это сделать, если один храм на 10 тысяч? Ну не будет же архиерей по улицей ходить вместе с батюшками и, подобно некоторым сектантам заезжим, предлагать свои религиозные услуги. В первую очередь нужно увеличить количество приходов и количество священников. Для того, чтобы это произошло, нужно иметь больше епархий. Проехав по Сибири и по Дальнему Востоку, я, вы знаете, был поражен, как мало приходов, как мало священников. На сотни километров.

– В Сибири особенно.

Патриарх Кирилл:

– В Сибири особенно. 127 приходов на Красноярский край. А Красноярский край – это половина Европы. Поэтому необходимо было сделать, ответить на эту реальную потребность в рамках, опять-таки скажу нецерковным языком, макроадминистративной системы. Нужно было сверху создать систему, которая бы помогла достичь той цели, к которой мы стремимся. Чтобы больше людей могло посещать храм и менять свою душу, воспитывать свое сознание, очищать свое сердце. А в условиях современной жизни вообще очищение человека от греха является непременным условием здоровья, подобно тому, как человек, который в шахте работает, он, покидая шахту, должен помыться. Вот современный человек, даже работая с информацией, соприкасается с такой грязью, что ему время от времени нужно помыться. Нужно почувствовать покой, мир душевный, подумать о вечном. И вот храм и приход дают такую возможность.

– Наверное, состояние общества зависит и от того, как чувствует себя отдельно взятая семья. И Вы уже затронули тему большого количества разводов. Действительно, печальная картина. В православии о семье говорят как о малой церкви. Другие скажут, что это ячейка общества. Но возможно, что в эти минуты, когда мы с вами говорим, решается чья-то судьба. Кто-то стоит на пороге разрыва. Что Вы как пастырь и как Предстоятель можете сказать тем людям, которые сейчас, в эти минуты решают, быть или не быть вместе?

Патриарх Кирилл:

– Кризис семьи – это кризис любви. А без любви человек жить не может. Когда мы разрушаем семью, мы разрушаем любовь. Любовь и удовольствие – это не синонимы. Очень часто нам что-то не нравится в семейной жизни, что-то становится некомфортным, как говорят опять-таки современные люди, и, устремляясь к достижению какого-то комфорта, благополучия, мы идем через то, чтобы разрушить свою собственную семью. Этого делать нельзя. Это очень трудно понять современному человеку, но Бог этого не пожелал. Некоторые скажут: а что же делать, если любовь прошла? Любовь проходит в том случае, когда сами люди любовь разрушают. Но если эти радостные, сердечные отношения, которыми овеваны первые годы совместной жизни, оба – и муж, и жена – пестуют, поддерживают, лелеют, охраняют, то

это чувство сохраняется до гроба. Но если начинается взаимный обман, параллельная жизнь, то все разрушается. Путь разрушения семьи – это не путь к человеческому счастью.

Конечно, бывают исключения, и я не хочу говорить, что в ста процентах случаев. Есть исключения. Не будем сейчас о них говорить. Потому что в таком случае каждый скажет: я и есть исключение. Будем говорить о том, что нужно сохранять семью, потому что это крепость, это дом, это место, где рядом с тобой родные люди, близкие, способные быть и в радости, и в горе. А для того, чтобы было так, нужно все время возрастать в любви. А в любви невозможно возрастать без самоотдачи друг другу. Я об этом часто говорю. В каком-то смысле любовь всегда должна сопровождаться способностью пожертвовать собой ради другого человека. И, если это происходит, если один научился жертвовать ради другого и другой или другая ему отвечает, то люди возрастают в любви. И вот тогда ни о каких разводах и речи не идет. Я очень желал бы нашим соотечественникам научиться хранить любовь с первого дня совместной жизни. С тем, чтобы как можно меньше наших семей стояло перед этой страшной проблемой – разделения, особенно тогда, когда существуют дети и когда от этого страдают не только муж и жена, но и несчастные детишки.

– Что касается единства веры и Русской Православной Церкви, в самом начале своего патриаршества Вы говорили о необходимости сохранять единство Русской Православной Церкви. И ни государства, ни границы, ни политики не могут разделять эту церковь. Речь, конечно же, идет о нашем духовном понимании такого пространства как Святая Русь. Вы много ездили в этом году и были на Украине. Как обстоят дела сейчас? Есть ли угроза нашему единству?

Патриарх Кирилл:

– До сих пор, к сожалению, на Украине существуют раскольнические группировки. И церковь наша старается делать все для того, чтобы раскол был преодолен. И сейчас мы молимся и постоянно обращаемся к нашим братьям, чтобы, употребляя, конечно, с обеих сторон необходимые усилия, преодолеть это разделение. Но разделение на Украине ведь продиктовано не религиозными соображениями. Это некая историософия определенной части украинского общества, которая крепко замешана была в том числе и на протестных настроениях позднесоветского и постсоветского периода. И желание разделить церковь в соответствии с национальными границами – это тоже некое последствие вот этих политических потрясений.

Но ведь что происходит вообще в истории человеческого рода? Границы постоянно меняются. Есть периоды создания империй, периоды распадов, потом периоды новых интеграционных процессов. Так что, церковь так должна идти постоянно в хвосте этих событий и постоянно менять себя и свои границы, всю свою систему в соответствии с тем, что происходит на политической карте, например, в Европе? Очень поучительно посмотреть на европейскую карту, допустим, XVIII века, XVII века и XXI века. Но что было бы с церквами и с церковью, допустим, католической, если бы происходило разделение по всем этим границам? Вот то же самое и в нашей части мира. Поэтому церковь не идет вслед за политическими переменами, вслед за переменами границ. Но этот требует от церкви очень большой открытости, преодоления всякого узко понимаемого национального начала. И, с одной стороны, цер-

ковь должна поддерживать национальную культуру и национальное самосознание людей, с другой стороны, она должна делать всегда это все в контексте христианского универсализма. Только тогда мы избежим национализма – грубого, радикального и жесткого, и только тогда церковь может быть матерью для всех. Когда человек любой национальности видит в церковном послании этот христианский универсализм. Вот это и есть построение церковной жизни в соответствии со священной традицией, которая присутствует в христианстве. И русская церковь остается верна этой традиции. И мы будем делать все для того, чтобы никакие местные, местечковые, сиюминутные, политические, националистические и прочие предпосылки и идеи не раздирали единство церкви. Потому что разделение есть горе. Разделение есть минус. А единство – всегда плюс.

– Говоря о современности, я, конечно же, вспоминаю 2007 год, когда Вы в Киеве вышли на Крещатик и обратились к молодежи о том, что должна быть единаявятая Русь. Мы сегодня с вами разговариваем в таком месте, в Свято-Даниловом монастыре, который располагает к таким неспешным размышлениям. Но на самом деле человек современный буквально сгибается под тяжестью той информации, которая на него обрушивается ежеминутно. Иногда он даже захлебывается в том объеме информации. Скажите, можно ли человеку современному сохранить себя в этом бурном, иногда не самом чистом потоке информации?

Патриарх Кирилл:

– Можно и нужно. Я думаю, что очень важно иметь опять-таки вот эту систему ценностей каждому из нас. Льюис сказал замечательные слова: «Когда целишься в небо, попадаешь в землю. Когда целишься в землю, попадаешь в никуда». Вот если у человека остается всегда приоритет духовного, то даже поглощенный современным информационным потоком, он на ментальном уровне остается способным отсеивать этот информационный поток. У него есть некая матрица, на которую эта грязь не попадает, а если попадает – быстро отскакивает. Вот эта способность к самосохранению культурной идентичности, к сохранению религиозной своей идентичности, своего духовного самосознания является непременным условием выживания человека в современных условиях. Иначе вот этот информационный поток нас всех смывает, переформатирует, превратит в перекасти-поле. Это очень большая угроза для всей человеческой цивилизации.

Ну и кроме того, религиозная жизнь помогает человеку очень остаться самим собой. Вот мы говорили о храме. Наши мегаполисы с этой суетой, с этой навязчивой рекламой, с огромным количеством шумов, с огромным количеством стрессов. Человек входит в храм, где нету ни шумов, ни стрессов, тишина и покой. Просто несколько даже минут постоять, свечечку поставить, помолиться, как можешь. Просто подумать, просто остановиться. Это все имеет очень большое значение для понижения этого градуса кипения, этой температуры нашей повседневной жизни. Кто-то может сказать – это терапия. Да, потому что человек состоит из души и из тела. Все наши духовные проявления имеют свою физико-химическую основу. Это наш организм. Одно связано с другим. Душа не будет нуждаться в воздействии на нее физических факторов – зрительных, обоняния, осязания, вкуса и так далее, – когда

она покинет тело. Тело и душа нерасторжимы. И поэтому даже внешний покой, созерцание икон, музыки, это уже помогает человеку. Ну а если не только внешнее, но и внутреннее, если молитва и духовное сосредоточение, это действительно сила, которая способна удержать человека от многих стрессов современной жизни.

– Ну и, пожалуй, еще один вопрос, который я сегодня не могу не задать. Сегодня, в праздник Рождества Христова, с каким пожеланием Вы хотели бы обратиться к нашим зрителям и как пастырь, и как Предстоятель Русской Православной Церкви, да и просто как авторитетный человек, который действительно пользуется уважением в обществе?

Патриарх Кирилл:

– Ну, я уже многое сегодня сказал в надежде, что буду услышан теми, кто нас видит и слышит. А в заключение я бы хотел сказать следующее: храните веру в сердце. Умейте или старайтесь научиться подыматься над суетой нашей жизни. Обращаться к небу. Пред Богом задавать самому себе неудобные вопросы о том, как я мыслю, что и как говорю и как поступаю. Вот это и есть религиозная жизнь человека. И каждый на своем опыте почувствует, что осуществление этого пожелания принесет несомненно реальную пользу каждому. На этом основывается жизнь миллионов и миллионов людей, которым так дорого это духовное измерение, что они за него не отдадут никакие сокровища мира. Я бы очень хотел, чтобы как можно больше те, кто нас сегодня слышит, на своем опыте все это прочувствовали и поняли. И пусть Господь хранит наших телезрителей, страну нашу в предстоящем нам движении по историческому пути. И пусть 2012 год будет годом Божественной милости.

– Спасибо, Ваше Святейшество. И всего Вам самого доброго.

Патриарх Кирилл:

– Благодарю Вас.